

ПРА «ЗАЛАТЫЯ ЛАХМАНЫ» І ЗНІКЛЫЯ ВЕРШЫ

Дачка памерлага ў высылцы паэта Жылкі выпрошвала ў крытыка Бэндэ вершы бацькі

І зноў перад намі —
пажаўцелыя аркушы
архіўных сховаў... Почыркі
людзей, якіх даўно
няма ў жывых... Праукі,
выкрэсліванні — па якіх
можна разгадаць ход
думак... І дыханне страшнай
эпохі па-за радкамі.
Фонд крытыка Лукаша
Бэндэ з Беларускага
дзяржаўнага архіва-музея
літаратуры і мастацтва
працягвае адкрываць свае
таямніцы.

Лісты ад Беатрычэ

Нагадаю, што ў фондзе шмат
матэрыялаў рэпрэсіраваных літа-
ратараў, да лёсу якіх Бэндэ часта
меў сумнае дачыненне. Ён збіраў
рукапісы загубленых ім і яго кале-
гамі людзей, а капі пацалася эпоха
рэабілітансу, гэтыя дакументы ў
яго можна было выкупіць...

Вось перад намі аркушык са
школьнага сыштка, спісаны вы-
разным почыркам.

«Дорогой Лука Афанасьевич!

На днях я посетила Минск. За-
ходила в Союз писателей Бело-
руссии. Вот там П. Бровка и позна-
комил меня с вашим адресом. Он
мне сказал, что вы, Лука Афана-
сьевич, в своем сбережении имеете
книги и моего папы, Владимира
Адамовича Жилко (У. А. Жылки)
(тут і далей — арфаграфія арыгі-
нала. — Л. Р.). Я очень Вас про-
шу сообщить мне, сможете ли Вы
их хотя на время переслать мне.
Папа теперь реабилитирован, а у
меня нет ничего, ведь мне было
три года, когда умер папа, а то,
что хранила бабушка (мать папы),
войной пропало.

Дорогой Лука Афанасьевич! Вы
уж не откажите мою просьбу. Сама
приехать к Вам я не смогу. Имею
двоих детей, маленькому только го-
дик. Муж лёг в больницу. Все, что
это будет стоить, я вышлю деньги.
Только уж не откажите, если они
у Вас есть, особенно последний
его сборничек «З палёй Заходнай
Беларусі».

С уважением и большой прось-
бой к Вам —
Наталья Жилко.

15/VII 61 г.»

Ліст адпраўлены са станцыі
«Палата» Палацкага раёна, у якас-
ці дома згадана Казіміраўская ся-
рэдня школа — трэба разумець,
аўтарка ліста там працавала.

А цяпер неабходныя тлума-
чэнні...

Бацька Наталлі, Уладзімір Жыл-
ка, выдатны беларускі паэт, пры-
ехаў у БССР у 1926 годзе з Прагі,
куды ў свой час трапіў на вучобу
ва ўніверсітэт. Запрасілі яго на
Акадэмічную канферэнцыю па
рэформе беларускага правапісу,

а той вырашыў застасца — каб
удзельнічаць у культурным жыцці
Радзімы... Яго арыштавалі 19 ліпеня
1930 г., нягледзячы на тое, што
быў сухотны, ляжак з высокай тэм-
пературай. Асудзілі на высылку ва
Уржум. Незадоўга да гэтых падзеяў
Жылка ажаніўся — са студэнткай

музычнага тэхнікума, дзе выкла-
даў літаратуру, Рымай Маневіч.
Нованараджаную дачку назвалі
Беатрычэ. Жылка быў шчаслівы, пе-
сціў сваю Атаку, сачыняў для
яе вершыкі... У высылку да мужа

Рыму прыехала, але заставацца
не збралася. Яе паводзіны, пакуль
муж ляжак па бальніцах, выклікалі

Уладзімір Жылка і Язэп Пушча.

абурэнне іншых выспаных... Ка-
рэцей, хворага Жылку Рыма кінула
і з'ехала. Паэт памёр, трывамочы
пры сабе пасмачку валасоў дачкі,
перавязаную стужкай, і яе браз-
готку.

Беатрычэ выхоўвала бабуля,
маці Уладзіміра Жылкі. Імя дзя-
чынкі змянілі на больш звыклае —
Наталля.

І вось яна, ужо дарослая жанчы-
на, спрабуе знайсці хоць штосьці
з бацькавай творчай спадчыны.
Як бачыце, да Бэндэ яе скіраваў
старшыня Саюза пісменнікаў
Броўка — то-бок пра бэндэўскія
сховы рэпрэсіраванай літаратуры
было шырока вядома. Што даты-
чынца згаданага зборніка «З палёй
Заходнай Беларусі», ён вый-
шаў у 1927 годзе і выклікаў вялікія
спрэчкі — кажуць, фактычна стаў
прычынай расколу паміж тымі бе-
ларускімі літаратарамі, хто арыен-
таваўся, як Жылка, на сусветную
класіку і творчыя пошуки, і тымі, хто
ставіў ідэалогію вышэй за мастац-
кую вартасць. Жылка тады разві-
таўся з «Маладняком» і перайшоў
ва «Узвышша».

Што адказаў Бэндэ Наталлі-Бе-
атрычэ, не ведаю, бо ліста ў фон-
дзе няма, затое ёсць наступны ліст
Наталлі.

«Дорогой Лука Афанасьевич!

Прошел почти месяц с тех пор,
когда я получила Ваше письмо, за
которое очень сердечно Вам бла-
годарю. Тогда же я сразу написала
Язепу Пушчу, но вот только вчера
получила от них письмо, которое
писала его жена. Иосиф Павлович
очень сильно болеет, находится в
одной из больниц Минска.

Дорогой Лука Афанасьевич! Я Вас очень прошу, чтобы Вы вы-
слали мне всё то, что у Вас есть из
написанного отцом. Я вам обяза-
тельно всё возврещу. Ведь только
немногое и лучшее будет выбрано
для печати.

Лука Афанасьевич! Я очень Вас
прошу не отказать в моей просьбе.
Всё, что Вы пришлётте, я перепи-
шу, а книги отошлю Вам обратно.

Наша ст. Полота, Лука Афа-
насьевич, ведь на дороге из Ле-
нінграда в Польск-Мінск. Может
когда-нибудь будете свободны, то
приезжайте к нам со своей сем'ёй.
У нас летом часто отдыхают ле-
нінградские. Рядом озеро, лес.

Мы построили свой домик.
Я уже здесь живу семь лет после
того, когда приехала из Минска,
где окончила педагогический ин-
ститут им. Горького.

Еще раз прошу не откажите
мою просьбу».

Язэп Пушча, ён жа Іосіф Пла-
шчынскі, да якога паслаў Наталлю
Бэндэ, — таксама рэпрэсіраваны

паэт... Толькі яму пашанцавала
больш, чым Жылку: жонка Стася
не адраклася ад мужа — наадвар-
от... У вязніцу да яго хадзіла за-
дзясяткі кілеметраў, у высылку па-
ехала і засталася... Але наўрад ці
у Пушчы маглі захавацца рукапісы
Жылкі, калі ўласныя пазнікі пад-
час ператрусаў.

Працытуем трэці ліст ад Натал-
лі Жылкі:

«Дорогой Лука Афанасьевич!

Очень большое спасибо за
письмо, которое получила 20 ок-
тября. Ответить вовремя не при-
шлось. Три недели находилась в
больнице с двухлетним сыном
(двустороннее воспаление). Тэ-
перь дома, чувствует хорошо, но
ведь надо его беречь. Получила

письмо с Минска. Иосиф Павлович
еще в больнице. Он очень долго
летом находился дома, его лечил
врач из Союза писателей. Потом
он посоветовал, чтобы Иосиф Пав-
лович выехал на дачу, на свежий
воздух. Вот он и поехал. Через

недзюль Станислава Эдуардовна
отвезла его в больницу в очень
тяжелом состоянии. Оказывается,
вместе с сердцем непорядки есть
и в лёгких. Тэперь он чувствует
себя лучше, врачи хорошие, обе-
щаюць к Новому году выписать.

Относительно отца: летом я была в
Минске, говорила с П.У. Бровком.
Он просил собрать все написан-
ное отцом, а они уж сами выберут
лучшее. А у меня ведь очень ма-
ло что есть, четыре стихотворения

да несколько перекладов. Иосиф
Павлович имеет несколько стихот-
ворений из книжечки «На роста-
ні». Лука Афанасьевич! До Но-
вогодня Вы уж видимо не сможете
быть в Ленинграде. Я Вас очень
попрошую, если сможете, то сооб-
щите мне, когда вы сможете толь-
ко быть дома, то может бы к Вам
заехала мой дядя (брат отца). Он

живет в Слуцке, Минской обл. Три
года назад ему сделали очень тя-
желую операцию, вырезали часть
прямой кишки. Правда, теперь он

попрошую, если сможете, то сооб-
щите мне, когда вы сможете толь-
ко быть дома, то может бы к Вам
заехала мой дядя (брат отца). Он

живет в Слуцке, Минской обл. Три
года назад ему сделали очень тя-
желую операцию, вырезали часть
прямой кишки. Правда, теперь он

живет в Слуцке, Минской обл. Три
года назад ему сделали очень тя-
желую операцию, вырезали часть
прямой кишки. Правда, теперь он

живет в Слуцке, Минской обл. Три
года назад ему сделали очень тя-
желую операцию, вырезали часть
прямой кишки. Правда, теперь он

пад пісьмом дата — 17 лістапада-
да 1961 года.

Што ж, Бэндэ быў знаёмы з усімі
літаратарамі... Хваліўся, што «объ-
екты моей критики были «изъятые»
НКВД».

Наталля-Беатрычэ выгадавала-
ся вернай памяці бацькі. Разам з
дзядзькам Барысам пісала ва ўсе
інстанцыі, да ўсіх, хто мог дапамаг-
чы са зборам матэрыялаў. Ці ўда-
лося штосьці выкупіць у Бэндэ? Паколькі 23 снежня 1961 года Лу-
каш Бэндэ памёр, відаць, нічога
Наталля Уладзіміраўна ў яго не
дапрасілася.

Наступны зборнік Жылкі вый-
шаў толькі ў 1970 годзе.

На магіле Наталлі Жылкі-Ла-
заравай у Палаце выбіты радок з
верша яе бацькі: «У мaim маленні
адзіная ты».

Крытыка з падтэкстам

20 сакавіка 1960 года ў Москву,
у Дзяржаўнае літаратурнае выда-
вецтва адпраўляеца ліст рэдак-
тара ленінградскага аддзялення
выдавецтва Лукаша Бэндэ.

«11 января этого года Михаил
Тихонович Лыньков приспал в
отделение расклейку переводов
своих рассказов для сборника, ко-
торый выйдет в серии советской
прозы».

Асаблівыя нараканні ў Бэндэ
выклікала якасць перакладаў,
зробленых Паўлам Кабзарэўскім.

«Переводчик, с моей точки зре-
ния, плох чувствует русский язык,
недостаточно знаком с граммати-
кой. Он допускает формы и оборо-
ты не свойственные русскому язы-
ку... Кабзарэўский, например, не
знает, что БУКСА женского рода
и относится к первому склонению.
А это значит, что множественное
число в родительном падеже буде-
т БУКСА, а не БУКСОВ, как он на-
писал. У него ШТАНЫ не надева-
ют, а одеваю... Ехать медленно и
мчаться по Кабзарэўскому одно и то же:
«Медленно мчиться машина»... «На промерзшей льдинке»
можно «бешено нестись по круто-
му откосу». Мех гармошки можно
«разбить в щепки». Он совершен-
но не чувствует различия в словах
«хлопает рукой по воде» и сло-
вами «ударяет (следовало бы —
бьет) рукой по воде», «плещет(?)
рукой» по воде; а слова «блестит»
и «сверкает» у него одно и то же.
Он может позволить себе даже
такой оборот: «Усядется (тиця)
отдохнуть на белом камне дедовой
могилы и напряженно спархивает
со своей ношкой, тяжело трепещет
крыльями, поднимаясь вверх к ду-
бовой вершине». Таких «дубовых»
оборотов немало в переводах Коб-
зарэўского».

Бэндэ вінаваціць перакладчыка
і ў тым, што той і беларускай мовы
не ведае, і таму скаже аўтарскі
тэкст.

«У автора: «аж гнуліся гэтыя
трапяткі асіны, абганяючы ў ві-
ратлівым разбезе белыя воблакі,
падмітаючы іх; разрываючы на
празрыстыя пасмы і кудзеркі».

У Кабзарэўскага: «Даже гнулись
эти трепещущие осины, обгоняя
в своем стремительном разбеле
белые облака, подметая их, раз-
рывая на прозрачные полосы».

У Лынькова: «Унізу маўчалі. Ціка-
валі дзяўчыны, ды катарыя хлоп-
цы свае хітравата падміргвалі».

У Кабзарэўскага: «Внизу молча-
ли. Внимательно слушали только

девушки и некоторые из своих
ребят хитровато подмигивали».
Здесь грубое искажение текста.
У Лынькова: «Адзаду плялась не ад-
стаць «санітарка». У Кобзарэўско-
го: «Сздад плялась «санітарка». У Лынькова: «перажагнаць свой
васпаваты твар», у Кобзарэўскага
«скривіть свое рябое лицо».

Прыкладаў вельмі шмат, част-
ка з іх, вядома, слушная — дзіўна
перакладаць «пад здрэнай сароч-
кай» как «под грязной рубашкой».
А частка не вельмі пераканаў-
чая — «цярушацца зоры» і «сып-
лются зvezды», «вядро бразну-
ла» — «ведро грэхнуло», «залатыя
лахманы» і «золотые лохмотья», у
прынцыпе, супастаўна.

«Расклейка переводов Кобза-
ревского испещрена моим каран-
дашом. Думаю, что это особенно
не помешает чтению».
І цікавая прып